

Иван БАХТИН

ЛЮБОВША

Часть четвертая. На Волховском фронте Продолжение

ПОД КИРИШИ. ОСНОВНОЙ НП

На сей раз нас перебросили под городок Кириши. Места посуше - леса, перелески, а недалеко река Волхов. Где-то западнее, на фашистской стороне - станции Любань и Чудово. Примерно около года назад здесь, у Киришей, 54-я Армия Волховского фронта прорвала оборону немцев и продвинулась до десяти километров, отбросив их с плацдарма на нашем восточном берегу, который они захватили в начале войны.

При этом на западном берегу Волхова был захвачен плацдарм, небольшой, примерно четыре на два километра. Место тоже возвышенное, почти ровное, с перелесками, кое-где развалины бывших построек. Примерно так же и на немецкой стороне. Наша передовая - в две - три траншеи, с разветвленными ходами сообщений, вырытыми в полный рост. Где-то посредине перед передней траншеей врыты в землю два танка, друг от друга метров на восемьсот, которые использовались как огневые точки. На флангах этого "пяточка", как мы его называли, имелось по одному бетонному укрытию с пулеметами "максим".

Основной НП расположили на нашем, правом берегу, в густом лесу, от берега примерно метров четыреста. Его оборудовали за ночь. Помнится, оборудовать его долго и много не пришлось. Здесь была немецкая передовая, и многое сохранилось, хотя и в полуразрушенном состоянии.

Так, у двух блиндажей вход надо было сделать с противоположной стороны (со стороны тыла - немцы теперь были за рекой, где наш "пяточок"). Прорыли другой вход, свой, а прежний, немецкий, заделали бревнами и завалили той же землей. Убрали всякий хлам внутри. А блиндажи эти сделаны были фрицами со вкусом, с чистой немецкой аккуратностью: пол и стены обшиты жердочками, над головой - накат из трех слоев толстых сосен. Даже плоские спиртовые остались - видно, что бывших "хозяев" турнули отсюда здорово, быстро.

Мешали только бурелом, ветки, сломанные деревья от прежних обстрелов, пришлось расчищать основные участки дорожки. До огневой размотали связи восемь с лишним катушек, то есть более трех километров. Для наших пушек 152 мм. это было очень близко. Видимо, ради сохранения плацдарма нашего при опасности танковой немецкой атаки. А это, наверное, главным было.

Помнится, "нитку" на тот берег тянули той же ночью через мостик из плотов. Но плот был уязвим для снарядов и бомбежки. Поэтому ее, нитку, оттянули влево плотом, к лесу, и у самого берега закрепили на деревьях на каждом берегу. Но все же до рассвета не успели довести до указанного места (на правом фланге в кустарнике). Вернулись на свой НП, где ре-

бята - разведчики приготовили кашу из концентрата.

Светила копилка из гильзы. Нам так показалось уютно в блиндаже, что после каши, сидя у стены, сразу же заснули.

Утром нас разбудили, было уже светло. Но в землянке копилка еще горела, с улицы свет еле пробивался через окошко, заложенное бутылками. Мы с Хамидуллиным остались здесь, а четыре человека (два радиста, и два связиста) пошли на огневую позицию за продуктами и запасными катушками. Вернулись ребята в сумерках.

НА «ПЯТАЧКЕ»

Вечером, в сопровождении разведчиков, мы переправились на тот берег Волхова по переправе, наведенной саперами. На основном НП остались командир взвода управления Кармозин, Фаттахов и Алтынбеков.

Под НП на плацдарме нам выделили укрытие с амбразурой в сторону немцев. Сюда мы и дали связь. Всю двухкилометровую "нитку" от берега Волхова мы тщательно зарыли в землях маскировки, и самое главное - от осколков При проведении связи пришлось обходить позиции сорокопятки, минометов, а у вторых траншей пришлось кое-где тянуть вдоль ходов сообщения.

Позволили на огневую позицию. Почти все время она носила позывные то "Ястреб", то "Коршун", то "Орел", затем на основной НП. Убедились, что связь исправна, работает. Мы находились на правом фланге плацдарма и находившуюся здесь пехотную роту поддерживала огнем наша батарея.

Я помню, что когда мы выбрали основной НП, потом тянули связь к своему передовому на «пяточке», то обстрелов почти не было - лишь редкие пулеметно-автоматные очереди с той стороны. Наша сторона молчала. И это, наверное, насстораживало немцев.

Нам было дано задание: следить за той стороной, при появлении танков немецких сразу же сообщать на батарею комбату и при необходимости помогать пехотинцам отражать атаки из личного имеющегося оружия.

С командиром поддерживаемой роты мы виделись всего лишь раз, когда знакомились. Помню лишь, что он был большого роста. А вот со старшим сержантом, командиром взвода, мы были вместе долгие четыре дня. Фамилию не помню, мы его звали Васей. В его взводе, по словам, было двадцать три человека (не густо!). У них было два "максима", два противотанковых ружья, много "лимонок" и патронов.

Один "максим" был недалеко от нашего НП, и пулеметчиком был пожилой боец, которого звали Никанорыч. Отзывались о нем, как о выдержанном, хладнокровном пулеметчике. Вторым номером был солдат - молодой казах. Ни-

канорыч и Вася называли нам свои ориентиры стрельбы, мы - свои. Вася показал нам, в каком месте оказывать первую помощь раненым и оставлять их. В темноте мы осмотрели эту траншею с углублением в сторону противника и выходом - в нашу.

Тишина стояла липкая, тягучая, нудная до шума в ушах. Над отдельными траншеями висели натянутые сетки с хвойным лапником и грязными лоскутами когда-то белой ткани - для маскировки. Но все это до первого взрыва снаряда.

Немцы наверняка знали о наших первых траншеях, и мы все загадывали - знали ли они о вторых, расположенных сзади метров за триста. Они были вырыты до нашего прихода сюда, рыли их пехотинцы ночами. Хорошо замаскировали. Это был второй рубеж обороны на случай возможного прорыва противника.

БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ

Хочется сказать несколько слов о бойцах, моих боевых товарищах, которые пришли на «пяточок». Нас на этом передовом пункте было шесть человек: Иванов И.Ф. - командир отделения разведки, Панченко Д. - разведчик (с прибором "Перископ-разведчик"), и мы, связисты: Бахтин И., Серов М., Хамидуллин М. и Гамиуллин А. Выглядели все мы, в общем-то, одинаково: каска, фуфайка, на груди автомат, на поясе нож, граната, в вещмешке запасной диск и патроны, у кого есть - в кармане «ТТ» или «Вальтер» (это позже), но все были разными людьми.

Максим Серов, ефрейтор, небольшого роста, коренастый. Немногословный и суровый на вид, вспыльчивый, но отходчивый. Он был всегда уверен в себе. Отлично владел ножом: за шесть метров попал в спичечный коробок. Также хорошо владел топором: броском вгонял его в дерево. Этому научился будучи в заключении где-то на Севере, где отбывал срок за коллективное ограбление квартиры. Из заключения добровольно пошел на фронт - испугать свою вину.

Минибай Хамидуллин, татарин из Башкирии. Мы называли его Хамыш, и это ему нравилось: «так звал меня мама», - говорил он. Спокойный, исполнительный, лучше других татар говорил по-русски. Прекрасный стрелок. Свою винтовку № 03604 пронес всю войну. За двадцать пять шагов попадал в горлышко лежащей бутылки. Имел именные часы - награду за отличную стрельбу. У него было отличное зрение: за двести - триста метров различал знаки различия на погонах и награды.

Асхат Гамиуллин, тоже татарин. При своем веселом характере он был сирота. Добровольно пошел на войну. Рассудительный, отважный, хладнокровный. Улыбался (но как-

«Уважение к минувшему - вот черта, отличающая образованность от дикости»

А.С.Пушкин

то по особенному) и в минуту опасности. Хорошо, как и Хамыш, танцевал татарский танец, метко стрелял. И Хамыш и Асхат были потомственными охотниками из Башкирии.

Разведчик Митя Панченко, из-под Харькова. Спокойный, думающий, с быстрой реакцией на обстановку, различные случаи. Образование среднее, хорошо разбирался в наблюдениях за противником. Часто его мнения, рассуждения подтверждались практически.

Иванов Иван Филиппович, командир отделения разведки. Тоже из Башкирии. Умный, волевой, выдержанный, в решениях был смел и быстр, обладал организаторскими способностями. Имел большой авторитет как у своих разведчиков, так и во взводе. Хорошо играл на гармошке.

С такими товарищами по оружию, по общему делу, можно было идти в любой бой, в любые переделки, зная, что они всегда станут горой друг за друга, не пожалеют и собственной жизни. Вот с ними и пришлось выдержать четыре дня на «пяточке»...

НЕМЕЦКАЯ

АРТПОДГОТОВКА

Помнится, мы шли на передовую НП, но нас задержали во вторых траншеях. Сказали, что звонил командир артиллерийского дивизиона и приказал оставить большинство людей во вторых траншеях, а в первых - только наблюдателей, так как под утро возможна артподготовка перед наступлением немцев. Так надо было для избежания лишних потерь.

Солдаты готовились по-своему - в траншеях в сторону противника рыли «лисы норы» - для большей безопасности. Потом эти норы спасли комдива.

А утром предупреждение с лихвой подтвердилось. Еще не поднялся туман, как немцы окрыли огонь по нашему переднему краю, больше по первой траншее, где у телефона был Асхат Гамиуллин, оставленный дежурным телефонистом.

Началось все мгновенно - немецкие батареи, минометы в перегонки сыпали снаряды и мины на передовые наши укрепления. От гула разрывов, скрежета и визга осколков, сверлящего свиста и надсадного воя снарядов парализовывались сознание и воля. Кажется, что следующий-наш... От взрывных газов, запаха тротила тошнотворный ком подкагивался к горлу: чувствовалось, как под каской поднимаются волосы, нервный озноб противно трясет, темнеет в глазах, пустота на сердце... Такое впечатление, будто кто-то большим ломом хочет сдвинуть траншею с места - то в одном месте, то в другом... Рот закрывать нельзя, иначе от страшного грохота взрывов лопаются барабанные перепонки. Ветерок - в нашу сторону, в сторону вторых траншей, и в открытый рот бьет гарью, горелым, взрывным за-

пахом. Выручали тряпки, платочки, которыми закрывали рты. Это - у нас, во вторых траншеях. А каково там - в первых! Залетали в перелетах снаряды и мины в нашу траншею, и довольно часто, особенно, когда немцы перенесли огонь в глубину нашей обороны. Так длилось более получаса.

Казалось, после такого огневого ада, шквального огня ничего живого в первой траншее не останется - все будет уничтожено и похоронено.

Не успела стихнуть артиллерийская канонада, длившаяся двадцать минут, а для нас как целую вечность, - как услышали гул стрельбы нашей артиллерии - она была по обнаруженным немецким целям.

АСХАТ ГАМИУЛЛИН

Рассматривать последствия "работы" артиллерии немцев было некогда - началась атака фашистов. И пока мы бежали с "ниткой" по изуродованной взрывами бедной земле, наши уже отбивали атаку немцев из полуразрушенных передних траншей. Если вчера вокруг все было снежно-белым, то сейчас грязноватые бело-серые пятна от снарядных разрывов выступали сплошным рябым пятном: мелкие с лучами - от осколочных, глубокие с вывороченной землей - от фугасных, и совсем мелкие - от разрыва мин. Дальше, впереди траншеи, вместо заграждения валялись остатки рогаток, обрывки колючей проволоки и... сплошь воронка на воронке, осипы от разрывов.

По нам еще били немецкие орудия. Дойдя перебежками и пригибаясь, мы сразу же бросились по местам: разведчики - под плитой, для наблюдения, а ребята втроем - к телефону в углу колпака.

Телефонная трубка валялась на земле, Гамиуллина не было. Молчала и связь. Серов и Хамыш немедленно побежали на порыв нитки. Ожидая их, я заменил микрофон у телефонного аппарата. Исправили быстро-линия была порвана где-то посредине до берега Волхова.

При возвращении ребята обнаружили недалеко от первой траншеи труп Асхата - он был убит осколком в шею, лежал в руках с телефонным аппаратом. Видимо, шел на исправление порванной нитки. Пришлось немедленно доложить на основную НП командиру взвода лейтенанту Камозину. Он прислал двух человек за погибшим. На плащ-палатке его отнесли к переправе, оттуда - на батарею. Затем - похоронка в Башкирию. Было жаль хорошо связиста и милого парня.

Помнится, как по очереди мы дежурили во вторых траншеях, следя за работой связи; двое у аппарата, а один, как в траншее, в укрытии. В этот день немцы дважды атаковали нас, но с помощью нашей артподготовки откатывались.

Впоследствии говорили, что это солдаты из "Голубой дивизии СС".

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ